

УРОКИ ПОЛЬСКОГО ДВОРНИКА

-И какая от тебя польза?

Военный атташе генерал-майор Хоменко смотрел на меня с огорчением. На столе перед ним лежал мой перевод документа с польского на русский язык, который я безуспешно пытался закончить в отведенный час времени.

- Бездарный перевод, и драгоценное время впустую потрачено. Что с тобою делать? В общем, так, - продолжал генерал, - даю тебе месяц срока. Где хочешь, там и учи польский язык. Но, если не выйдешь на уровень других сотрудников аппарата военного атташе, то отправлю в Москву.

- Я криво улыбнулся, вспомнив историю про одного моего знакомого офицера, которого за провинности грозили откомандировать из Группы советских войск в Германии в Советский Союз. Он тогда своему генералу ответил так: «А вы меня родиной-то не пугайте».

- Ты чего лыбишься, - продолжал ругать меня военный атташе. Я рассказал ему про случай в Германии, и вдруг он рассмеялся.

- Ну, может быть, ты и не безнадежный, если так реагируешь. На, возьми польские злотые из кассы аппарата, иди учиться в Варшавский университет. Я договорился с одним из преподавателей, он дает уроки иностранцам. Но после занятий изволь возвращаться на службу в посольство. Помни, что твою работу сейчас выполняют другие офицеры аппарата. У нас здесь взаимовыручка.

К моему огорчению, дальше одного занятия в университете дело не пошло. Я оказался за одним столом с миловидной дамой, которая представилась женой канадского военного атташе. Когда я доложил о первом успешном занятии, мне тут же поставили на нем крест. Такого рода контакты для молодых советских дипломатов совсем не поощрялись. Отругали меня тогда сильно, но все же разрешили с этим преподавателем заниматься индивидуально. Лучше бы этого не делали. Ни на какую другую разведку я бы все равно работать не стал, а вот вкус польской свободы ощутил очень даже явственно. Мой преподаватель, Влодзимеж Ковальски, оказался тонким ценителем современной польской литературы. Он стал мне давать книги авторов, имена которых в советском посольстве ассоциировались с диссидентами. Так я познакомился с творчеством Станислава Мрожека, великого польского сатирика и драматурга. По наивности поделился впечатлением от книги с одним из советских

дипломатов. Результат оказался еще более горестным, чем в случае с женою канадского военного атташе. Мне просто запретили впредь посещать Варшавский университет. Больше Влодзимежа я никогда не видел, слышал только, что позже он стал известным лингвистом.

Надо отдать должное моему военному атташе. Не знаю, как ему это удалось, но мне было приказано брать уроки у симпатичной польки, которая учила самого посла. Правда, это было не часто, но каждая встреча с пани Моникой оставляла приятное воспоминание. В то же время служебных обязанностей с меня никто не снимал, проблемы все больше накапливались именно из-за недостаточных знаний польского языка. Меня, так или иначе, сравнивали с предшественником, которого в срочном порядке откомандировали в Москву, а мною попросту заткнули образовавшуюся прореху. Специалистом мой предшественник был отменным. На его фоне я выглядел первоклассником.

Домой после очередного разноса начальства я возвращался в мрачном настроении. Квартира, выделенная мне, находилась в пятнадцати минутах ходьбы от посольства, в самом центре Варшавы. Во дворе дома всегда было чисто, несмотря на то, что дворник нередко находился в состоянии подпития. Так было и на этот раз. Я кивнул ему в ответ на приветствие, пошел было дальше, и вдруг меня осенило. Я встал, как копаный: вот мой учитель.

- Пане Тадеушу, - обратился я к дворнику. - Может быть, зайдете ко мне, выпьем русской водки?

За годы службы за границей я редко встречал отказ от такого предложения. Польский дворник не стал исключением. В первый же вечер он наплатил меня словами, которых не встретишь ни в одном польско-русском словаре. Это был настоящий язык варшавских подворотен. Расстались мы с Тадеушем за полночь, мне пришлось спускать его на первый этаж, чтобы помочь ему попасть ключом в дверь его квартиры.

На следующий вечер мы встретились уже как старые друзья. На столе стояла очередная бутылка водки, к ней добавилась хорошая закуска. Но было еще то, о чем не догадывался польский дворник. В кармане у меня работал маленький диктофон. На этот раз ход беседы направлял уже я по заранее разработанной теме. Тадеуш оказался настоящей находкой. Выяснилось, что у него к сорока годам сложилась богатая биография. Он был и недоучившимся студентом, и моряком, побывал в нескольких европейских странах и даже добрался до Америки. С ним, действительно, интересно было общаться, не только потому, что он иногда употреблял совершенно необычные польские фразеологизмы. Иногда он удивлял своими зрелыми философскими рассуждениями, читал стихи, а, хорошо выпив, звучным и

довольно красивым голосом исполнял польские частушки. Так я познавал еще и польский юмор.

Месяц пролетел незаметно. О количестве наших встреч свидетельствовали бутылки, скапливавшиеся в комнате под столом. Сам я, впрочем, пил мало, помня, что на следующий день предстояла напряженная работа. На вопросы сотрудников, как продвигаются мои польские уроки, отвечал неохотно. О своем знакомстве с польским дворником никому не рассказывал, понимая, что и эту связь могут мне оборвать.

А затем произошло то, что позволило мне встать в один ряд с моими товарищами по службе. В посольском кинозале по пятницам для дипломатов прокручивали новые польские фильмы. Уж не помню, какой это был фильм, но военный атташе пригласил меня на просмотр. Сам он сел рядом и время от времени пытал, о чем идет речь. Какого же было его удивление, а затем и удовлетворение, когда я перевел ему польское слово «мордовня», как забегаловку самого низкого пошиба. А другое слово, прозвучавшее из уст польского алкоголика «Першинг», когда он отхлебывал вино из огромной длинной бутылки, перевел, как «Фугас».

- Надо же, откуда ты таких польских слов набрался, - удивлялся потом генерал.

Про польского дворника, ставшего моим учителем, рассказывать я не стал. Побоялся, что опять отругают.

*Юрий Лебедев (3-76)
Апрель 2017*

